

Взаимодействие арктических и неарктических государств в научных исследованиях и практическом освоении геополитического потенциала Арктики*

Кефели И. Ф. *, Николаенко А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Выявить методологическую роль представлений о геополитическом потенциале государства в принятии управленческих решений в освоении пространства российской Арктики. В статье представлен обзор фундаментальных исследований и статей зарубежных авторов, в которых рассмотрена проблема реализации геополитического потенциала Арктики.

Задачи. Выработка принципов геополитического прогнозирования на основе математического моделирования геополитического потенциала государства и систематизация разработок по пространственному развитию российской Арктики в составе Большой Евразии.

Методология. Математическое моделирование геополитических процессов, среднесрочное прогнозирование пространственного развития российской Арктики в условиях вызовов иностранных государств, претендующих на ее природные ресурсы и территориальные воды.

Результаты. Подтверждается необходимость включения в методологический аппарат геополитических исследований научных разработок по выявлению качественных и количественных определений геополитического потенциала государства, способствующему обеспечению национальной безопасности России и совершенствованию ее пространственного развития.

Выводы. Переход к шестому технологическому укладу не ограничивается лишь коренным преобразованием производственного комплекса страны, но и предполагает необходимость создания единой инфраструктурной архитектуры пространства Большой Евразии («умной» Евразии), в которую органично вписывается российская Арктика.

Ключевые слова: геополитика, геополитический потенциал, российская Арктика, устойчивое развитие, российское геополитическое пространство, Великий передел Арктики

Для цитирования: Кефели И. Ф., Николаенко А. В. Взаимодействие арктических и неарктических государств в научных исследованиях и практическом освоении геополитического потенциала Арктики // Управленческое консультирование. 2022. № 3. С. 17–27.

Interaction between the Arctic and Non-Arctic States in Scientific Research and Practical Development of the Geopolitical Potential of the Arctic

Igor F. Kefeli*, Anastasia V. Nikolaenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; *geokefeli@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС.

ABSTRACT

Aim. Reveal the methodological role of ideas about the geopolitical potential of the state in making managerial decisions in the development of the space of the Russian Arctic. The article presents an overview of fundamental research and articles by foreign authors that addresses the problem of realizing the geopolitical potential of the Arctic.

Tasks. Development of the principles of geopolitical forecasting based on mathematical modeling of the geopolitical potential of the state and systematization of developments on the spatial development of the Russian Arctic as part of Greater Eurasia.

Methods. Mathematical modeling of geopolitical processes, medium-term forecasting of the spatial development of the Russian Arctic in the face of challenges from foreign states claiming its natural resources and territorial waters.

Results. It confirms the need to include scientific developments in the methodological apparatus of geopolitical research to identify qualitative and quantitative definitions of the geopolitical potential of the state, which contributes to ensuring the national security of Russia and improving its spatial development.

Conclusions. The transition to the sixth technological mode is not limited to a radical transformation of the country's production complex, but also implies the need to create a unified infrastructure architecture for the Greater Eurasia ("smart" Eurasia), into which the Russian Arctic organically fits.

Keywords: geopolitics, geopolitical potential, Russian Arctic, sustainable development, Russian geopolitical space, Great redistribution of the Arctic

For citing: Kefeli I. F., Nikolaenko A. V. Russia's Arctic Strategy in the Greater Eurasian Partnership // Administrative consulting. 2022. N 3. P. 17–27.

Введение

Основными документами, регламентирующими деятельность Российской Федерации во взаимодействии арктических и неарктических государств в научных исследованиях и практическом освоении геополитического потенциала Арктики на перспективу, являются «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г.»¹ и «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г.»². Так, в «Основах» четко регламентируются:

- основные национальные интересы Российской Федерации в Арктике, в том числе обеспечение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, а также сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства;
- основные вызовы в сфере обеспечения национальной безопасности в Арктике, в том числе попытки ряда иностранных государств пересмотреть базовые положения международных договоров, регулирующих хозяйственную и иную деятельность в Арктике, воспрепятствование осуществлению Российской Федерацией законной хозяйственной или иной деятельности в Арктике со стороны иностранных государств и (или) международных организаций, а также дискредитация деятельности Российской Федерации в Арктике;
- основные задачи в сфере развития науки и технологий в интересах освоения Арктики, в том числе наращивание деятельности по проведению фундаментальных и прикладных исследований по приоритетным направлениям научно-техно-

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164.

² Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645.

логического развития, разработка и внедрение технологий, имеющих критически важное значение для освоения Арктики.

Один из вариантов анализа взаимодействия арктических и неарктических государств основан на учете характеристик и количественных показателей геополитического потенциала государств, входящих в Арктический совет (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия и Швеция), и тех, которые не входят в его состав, но проявляют интерес к научным исследованиям, освоению природных ресурсов и использованию транспортных коммуникаций в Арктике (Китай, Индия, ряд европейских государств и др.). В данной статье будет представлен обзор исследований данного взаимодействия в контексте исследований арктической зоны России.

Геополитический потенциал российской Арктики: содержание и основные направления реализации

Геополитический потенциал является ключевым показателем геополитического статуса государства, определяющего, в свою очередь, его экономическую и военную мощь. Обобщенным показателем этих характеристик выступают модели геополитического статуса, охватывающие две группы параметров: 1) геополитический потенциал, т.е. собственно геополитические параметры государства (коалиций государств): географическое положение, экономику, демографический потенциал, оборону; 2) тип государственного устройства, состояние политической и экономической независимости, участие в военно-политических коалициях. Р. Клайн, американский стратег, автор методики «оценки мировых сил», предложил определять мощь государства с помощью следующей эмпирической формулы:

$$P = (C + E + M)(S + W),$$

где P — воспринимаемая национальная мощь государства; C — «критическая масса», определяемая численностью населения и жизненным пространством страны; E — экономический потенциал государства; M — военный потенциал государства; S — стратегические цели; W — воля к реализации национальной стратегии.

Клайн определял национальную мощь как способность оказывать на другие государства решающее влияние при принятии ими политических решений, распространять на них свою власть (англ. power переводится в зависимости от контекста как сила, мощь, власть, влияние) [11, р. 8]. Итак, военную мощь государства следует рассматривать как совокупность военного, экономического, научно-технического и морально-политического потенциалов государства или коалиции государств.

Общая формула расчета геополитического статуса:

$$S(t) = FA(t)G(t),$$

где $S(t)$ — статус в определенный исторический период времени t , FA — «функция влияния» указанных выше факторов, не связанных непосредственно с геополитическим потенциалом; $G(t)$ — геополитический потенциал определяется по формуле:

$$G(t) = 0,5(1 + X_M^{0,43}) X_T^{0,11} X_D^{0,19} X_E^{0,27},$$

где X_j^i (j — T, D, E, M ; i — весовые показатели потенциалов государства) — доли государства в общемировых показателях в территориальной, демографической, экономической и военной сферах соответственно. В случае признания целью государства повышение своего геополитического статуса величина $S(t)$ может быть

использована в качестве целевой функции при стратегическом планировании внешней политики государства и для расчета геополитического статуса [2, с. 49–53; 4, с. 199–202].

В современных исследованиях содержание понятия геополитического потенциала ограничивается субъектной принадлежностью не только государства, но и макрорегиона как системы пространственных, производственно-экономических, финансовых, социокультурных, логистических, информационных ресурсов, которые должны быть использованы для обеспечения региональной и национальной безопасности¹. Так, например, академик РАН П. Я. Бакланов, исходя из понимания геополитического потенциала как степени влияния (реального или потенциального) одной страны на другие, определяемого ее территорией, населением, природно-ресурсным и экономическим потенциалом, внешними экономическими связями, военным потенциалом, предпринял анализ современного геополитического положения Европейского, Сибирского и Дальневосточного макрорегионов России, выражающего исторически сложившуюся геополитическую асимметрию. Она, по мнению автора, заключается в том, что первый из указанных макрорегионов (экономически наиболее освоенный) выходит на небольшие и средние по своему геополитическому потенциалу страны Европы, а Дальневосточный (наоборот, наименее освоенный) — на крупнейшие страны мира — США, Китай и Японию. Подобного рода геополитическая асимметрия, как справедливо отмечает Бакланов, во многом сдерживает реализацию геополитического потенциала Дальневосточного макрорегиона и Арктической зоны Российской Федерации. В целом это применительно ко всей России подтверждается данными, представленными Баклановым в табл. 1. В десятибалльной шкале измерялись отдельные показатели (население, территория, ВВП, военный бюджет), затем они суммировались и нормировались.

Таблица 1

Основные показатели геополитического потенциала стран
Table 1. Main indicators of geopolitical potential of countries

Страна	Численность, оценка на 01.01.2015*	Территория, тыс. км ^{2**}	ВВП по ППС, млрд долл. оценка (МВФ)***	Военный бюджет, млрд долл.****	Совокупный военный потенциал, балл*****	Интегральная оценка, балл
США	320	9 629	17 419	610,0	9,7	7,5
Китай	1 370	9 597	17 617	216,0	7,3	7,3
Россия	146	17 098	3565	84,5	7,5	4,4
Япония	127	378	4751	45,8	3,2	1,5

Примечание. Расчеты проведены по данным за 2014–2015 гг.

* https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_населению.

** https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_государств_и_зависимых_территорий.

*** По данным МВФ по ППС — паритету покупательной способности национальных валют.

**** По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI).

***** См.: Агеев А., Куроедов Б., Сандаров О. Силовое поле // Экономические стратегии. № 1/2011. С. 18–25. Источник: http://www.inesnet.ru/wp-content/mag_archive/2011_01/ES2011-01-ageev-kuroedov.pdf.

¹ Гладкий Ю. Н., Писаренко С. В. «Геополитическая конструкция» и «геополитический потенциал» — основные понятия геополитики [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-konstruktsiya-i-geopoliticheskiy-potentsial-osnovnye-ponyatiya-geopolitiki/viewer> (дата обращения: 10.09.2021).

Наглядно асимметрия российского геополитического пространства представлена в статье [1] (рисунок). На примере Северо-Западного региона России аналогичное исследование было проведено А. Г. Дружининым, а также В. П. Самариной, Т. П. Скуфиной, Д. Ю. Савон и А. И. Шинкевичем [21; 25].

П. Я. Бакланов, как это следует из замысла его исследования, сосредоточил внимание на Дальневосточном макрорегионе, включив в него, в частности, Чукотский бассейн, который в равной степени следует относить и к Арктической зоне. Очевидно, вполне обоснованными будут аналогичные исследования применительно к Арктической зоне Российской Федерации, поскольку в качестве трансграничного бассейна в ней необходимо рассматривать Баренцморский бассейн. Более того, в Арктике на состояние международных отношений оказывают влияние претензии по интернационализации Северного морского пути (не говоря уже о доступе к арктическим природным ресурсам), которые высказываются рядом государств со стороны Запада и Востока.

В отечественных источниках геополитическая ситуация в Арктике в настоящее время определяется соперничеством трех страновых групп. В свою очередь, взаимодействие между государствами внутри каждого из этих условных объединений характеризуется весьма острой конкуренцией. К первой группе можно отнести «арктическую пятерку» внутри Арктического совета, побережье которых непосредственно выходит к Северному Ледовитому океану: Россию, Канаду, Норвегию, США и Данию (Гренландию). Этот своего рода элитный «арктический клуб» активизировался вследствие наметившегося в конце прошлого десятилетия сближения позиций по ряду геополитических и геоэкономических вопросов между ведущими приполярными державами. Ко второй группе принадлежат члены Арктического совета: Финляндия, Швеция, Исландия, не имеющие непосредственного выхода к Северному Ледовитому океану, но официально признанные «арктическими нациями», поскольку часть их территории находится выше Северного полярного круга. К третьей группе относятся Китай, Япония, Сингапур, Бразилия, Индия, страны Евросоюза и др., претендующие на свое участие в Арктике за счет налаживания двусторонних связей с арктическими государствами, но и самостоятельно [6, с. 68–89].

Так, еще в 2010 г. отставной китайский военно-морской контр-адмирал Инь Чжо рассуждал об арктических амбициях Китая следующим образом: «Я неоднократно говорил, что население Китая составляет пятую часть населения мира, так разве мы не можем получить пятую часть интересов в Антарктике и Арктике?» — спросил Инь. В конце концов, «это общее наследие человечества, поэтому у каждого есть своя доля», — пояснил он, сославшись на концепцию международного права, применяемую к различным частям глобального достояния, включая Антарктиду, Луну и морское дно. В воображении Иня доля Китая была бы прибыльной. Арктика и Антарктика «очень богаты различными ресурсами», и их «морские пути также будут иметь важное значение в будущем». Чтобы претендовать на эти интересы, предупредил Инь, Китаю придется упорно бороться: «если вы не будете защищать это, не будете за это бороться, тогда вы не имеете права голоса... Мы не можем оставить все это другим; у китайцев там есть свои права»¹. И вот в одном из последних отчетов прошлого года четко указывается на стремление Китая стать «полярной великой державой». Учитывая то, что восемь арктических суверенных государств, входящих в Арктический совет, оказывают большое влияние на Арктику и ее стратегически ценную географию, то и Китай стремится быть в их числе.

¹ Yin Zhuo: U.S. Maritime Hegemony Threatens China's Security], 中国网 [China Internet Information Center]. March 8, 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.com.cn/fangtan/zhuantu/2010lianghui/2010-03/08/content_19556085.htm (дата обращения: 20.12.2021).

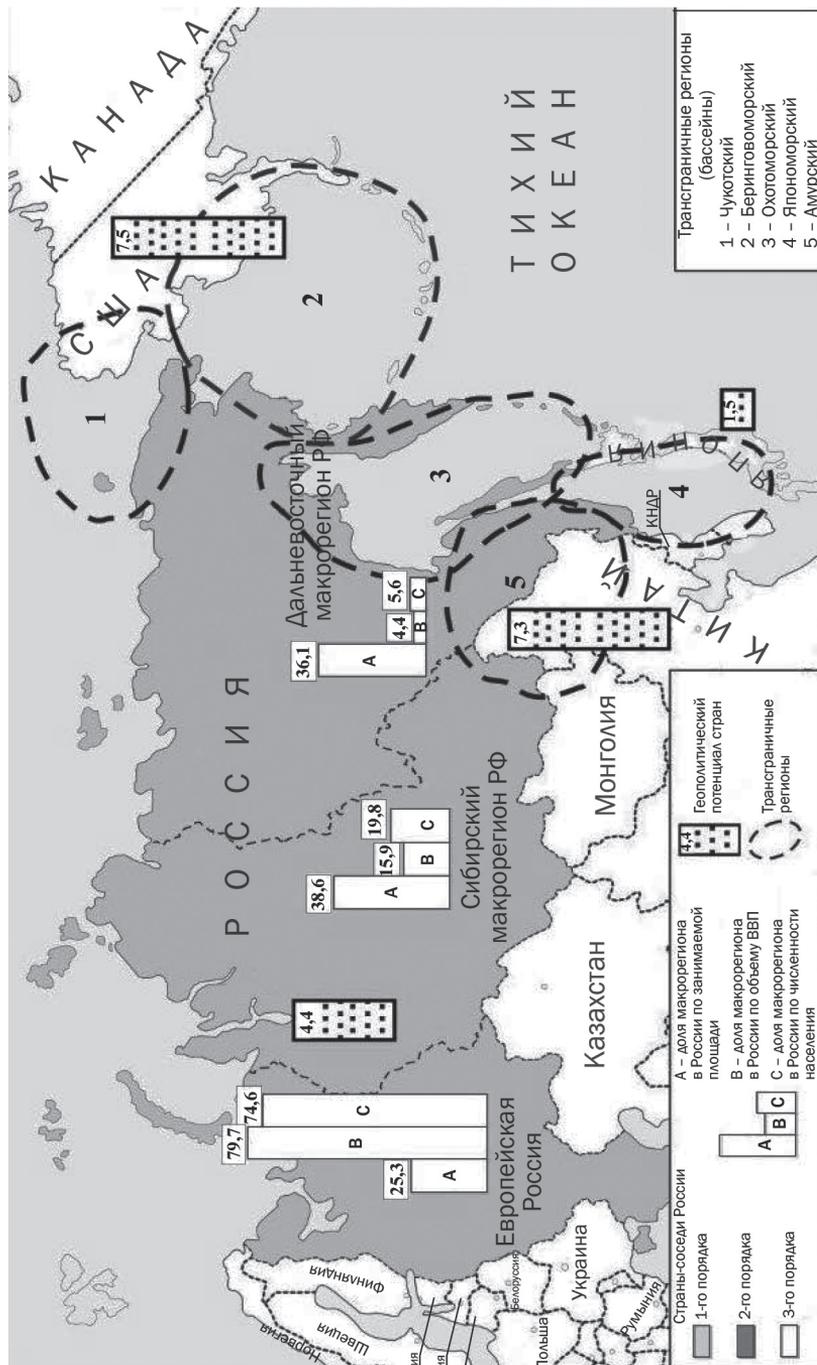

Рис. Асимметрия геополитического положения России [1, с. 80]
 Fig. Asymmetry of Russia's geopolitical position [1, с. 80]

Мотивировка этого простая: Китай рассматривает Арктику как одну из «новых стратегических границ» мира, созревшую для соперничества и добычи, как зону будущего военного соперничества, поэтому Китай вкладывает значительные средства в арктическую дипломатию, чтобы усилить свое влияние в регионе. Во многих источниках отмечаются миролюбивые намерения Китая как «ответственной крупной страны», которая «не хочет видеть напряженность... и не хочет создавать сферу влияния в Арктике»¹.

Во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности США — 2021» («Interim National Security Strategic Guidance») в качестве основных регионов и направлений национальных интересов США указаны Индо-Тихоокеанский регион, Европа и Западное полушарие [12]. С начала XXI в. стратегические интересы США закреплялись в директивном порядке. Так, в январе 2009 г. была опубликована «Директива по арктической политике США» («Arctic Region Policy»), в которой отмечалось, что «в Арктике США имеют широкие фундаментальные интересы в сфере национальной безопасности и готовы действовать независимо, либо в союзе с другими государствами по защите этих интересов». Высшим национальным приоритетом указывалась свобода трансарктических перелетов и свобода мореплавания применительно ко всей Арктике, включая Северный морской путь, и, тем самым, осуществлять «надлежащий контроль» прилегающей акватории². В январе 2021 г. Пентагон утвердил обновленную версию арктической стратегии США под названием «Возвращение господства в Арктике» («Regaining Arctic Dominance»), в которой прямым текстом указаны основные угрозы и вызовы, главным образом, со стороны России и Китая, и способы противодействия им³.

Великий передел и научно-технологическое освоение Арктики

Великий передел Арктики сегодня предстает как один из ключевых мегатрендов современности. *Великий*, потому что он достиг вершины длящихся со времен Великих географических открытий научных исследований, которые приобрели в последние десятилетия комплексный характер, охватывающий географические, геофизические, климатологические, океанографические, горно-геологические, биологические и многие другие научные направления. А *передел* — это «перманентная конкуренция за пространство, коммуникации и арктические ресурсы в мирной цивилизованной форме на основе международного права и понимания своих национальных интересов». Ю. Ф. Лукин, проанализировавший данный «Великий передел Арктики», выделил в нем три временных этапа: 1) односторонние действия Канады, США, России/СССР, Дании, Норвегии и ряда других стран по юридическому закреплению статуса арктических территорий (до 1950-х годов); 2) этап преимущественно международно-правового характера раздела акватории и континентального шельфа Северного Ледовитого океана (вторая половина XX в.); 3) этап международной легитимации всего арктического пространства (рубеж XX–XXI вв.) [8, с. 173–177]. Достаточно при-

¹ Ambassador Jin Zhijian in Iceland Published a Signed Article “China Is an Important Force for the Development of the Arctic” in Iceland’s Morning Post // 中华人民共和国驻冰岛共和国大使馆 [Embassy of the People’s Republic of China in the Republic of Iceland]. October 15, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://is.china-embassy.org/chn/zbqx/gjhz/t1708048.htm> (дата обращения: 20.12.2021).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/nsdp/nsdp-66.htm> (дата обращения: 20.12.2021).

³ Department of Defense Arctic Strategy 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.P> (дата обращения: 20.12.2021); [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/181150-novaja-arkticheskaja-strategija-ssha.html> (дата обращения: 20.12.2021).

вести в качестве примера решения всего комплекса вопросов легитимации проведенную в июле–октябре 2012 г. уникальную Комплексную геолого-геофизическую экспедицию «Арктика-2012», в ходе которой впервые в мире было осуществлено бурение пород дна Северного Ледовитого океана, имеющих возраст раннего кембрия (541–485 млн лет) и мезозоя (252–66 млн лет). Тем самым была доказана континентальная природа поднятия Менделеева, являющегося продолжением шельфа Восточно-Сибирского моря, а фундаментальная наука пополнилась новыми понятиями — «Кембрийский взрыв» и «Великое меловое вымирание» [5, с. 10, 230–233].

Всестороннее исследование современного развития российской Арктики было предпринято авторским коллективом фундаментального труда «Российская Арктика: современная парадигма», в котором детальным образом рассмотрены связи Арктической зоны России с территориями, которые представляют собой «геостратегические оси» континентального евроазиатского развития. Конкретным примером такой оси, одной из главных, срединных на территории России, служит полиресурсная промышленная уральская ось. Более того, российская Арктика на протяжении нескольких десятилетий сложилась как ключевая углеводородная сырьевая провинция в циркумполярной зоне [10]. Ориентируясь на упомянутые выше «геостратегические оси», ныне выстраивается и инфраструктурная (транспортная) геополитика, цель которой заключается в создании единого транспортного-логистического каркаса, связывающего в единое целое железнодорожные, автомобильные, речные, морские и информационные коммуникации на пространстве Большой Евразии. Эти коммуникации позволят соединить в единое целое все территориально-производственные комплексы страны, береговую линию Северной Евразии (российская Арктика) и транспортные потоки за пределы России. Примерами тому служат реализация проектов «Север-Юг» и «Белкомур», продолжение строительства новых веток БАМ и железнодорожного пути до Якутска и далее (это пока еще в проекте) в направлении мыса Дежнева и Магадана, прокладка оптоволоконного кабеля от Мурманска до Владивостока по дну морей Северного Ледовитого и Тихого океанов. Большое внимание уделяется реализации проекта «Трансевразийский пояс „Развитие“» (ТЕРП), который, по мнению А. В. Лукина и В. И. Якунина, позволит России «стать интегратором на Евразийском континенте» [7, с. 228; 9].

Заключение

Представленный выше краткий обзор научных источников позволяет сделать вывод о том, что переход к шестому технологическому укладу не ограничивается лишь коренным преобразованием производственного комплекса страны, но и предполагает необходимость создания единой инфраструктурной архитектуры пространства Большой Евразии (можно даже сказать — «умной» Евразии), в которую органично вписывается российская Арктика. Ее устойчивое развитие в рамках единого проекта «Арктика — XXI век» включает относительно самостоятельные блоки: геополитический, ресурсный, социально-экономический, эколого-природоохранный, технико-технологический, этнокультурный, транспортный, информационно-коммуникационный и др. [3]. Будущее Арктики не должно стать яблоком раздора между государствами — арктическими и неарктическими. Российская наука, достойно отстаивая национальные интересы, на современном этапе своего развития способна обеспечить реализацию рассмотренных в статье проектов.

Вместе с тем необходимо учитывать спектр и характер исследований зарубежных авторов по данной теме. Так, например, З. Лавенгуд усматривает новые геополитические реалии Арктики через призму мир-системного анализа ее уникального «центрально-периферийного» положения и регионального гегемонистского соперничества между НАТО и китайско-российского партнерства [17]. Г. Грициус,

представляя Арктику как зону конфликта между Россией и США, вследствие чего «безопасность становится частью арктического дискурса», утверждает, что Канада и Норвегия, наоборот, мобилизуют арктическое сотрудничество [15]. В рамках программы All Domain Situational Awareness (ADSA), по заверению Б. Джонсона, канадская оборонная политика ставит совместную разведку, наблюдение и рекогносцировку в Арктике в качестве приоритетов оборонных исследований и разработок в части решений проблем *континентальной* обороны [16]. Авторы статьи под весьма примечательным названием «Как насчет Арктики? Геополитические поиски Северного космоса Европейским Союзом» (What about the Arctic? The European Union's Geopolitical Quest for Northern Space) проследили, основываясь на исследовании того, как Европейский Союз на протяжении 2008–2018 гг. наращивал геополитическую активность в арктическом регионе, стал обретать роль нового арктического актора [20]. В заключение следует отметить на примере указанных выше работ и ряда других [13; 18–20; 22–24], что ключевым трендом арктических исследований определилось обеспечение безопасности — не только военной (в национальном, региональном и межрегиональном масштабах), но и экологической, социальной, энергетической безопасности, каждая из которых формируется как ответ на вызов системы глобальных угроз.

Литература

1. Бакланов П. Я. Геополитические факторы в региональном развитии // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2020. № 4 (93). С. 75–83.
2. Винокуров Г. Н., Конякин Б. А., Подкорытов Ю. А. Геополитический статус Китая как фактор российской политики ядерного сдерживания Соединенных Штатов // Стратегическая стабильность. 2008. № 2. С. 199–202.
3. Додин Д. А. Устойчивое развитие Арктики (проблемы и перспективы). СПб. : Наука, 2005. 283 с.
4. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. М. : Издательство Юрайт, 2018. С. 199–202.
5. Корнеев О. Ю. Зачем России палеозой Арктиды? Экспедиция «Арктика–2012». СПб. : Нестор-История, 2018. С. 10, 230–233.
6. Кучинская М. Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 68–89.
7. Лукин А. В., Якунин В. И. Евразийская интеграция и развитие Азиатской России // Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения / под ред. А. В. Лукина, В. И. Якунина. М. : Весь Мир, 2019. 416 с.
8. Лукин Ю. Ф. Многомерность пространства Арктики. Архангельск, 2017. 250 с.
9. Осипов Г. В., Садовничий В. А., Якунин В. И. Интегральная евразийская инфраструктурная система как приоритет национального развития страны. М. : ИСПИ РАН, 2013. 62 с.
10. Российская Арктика: современная парадигма / под ред. акад. А. И. Татаркина. СПб. : Нестор-История, 2014. 844 с.
11. Cline R. S. World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift. Washington, 1975.
12. Interim National Security Strategic Guidance. The White House, Washington, march, 2021.
13. Diener A. C., Grant A., Bennett M. M. Northeast Asia in regional perspective // Asian Geographer. 2021. Vol. 38. N 2. P. 95–118. DOI: 10.1080/10225706.2021.1952778.
14. Steinveg B. The role of conferences within Arctic governance // Polar Geography. 2021. Vol. 44. N 1. P. 37–54. DOI: 10.1080/1088937X.2020.1798540.
15. Gricius G. Conceptualising the arctic as a zone of conflict: The winner of the 15th anniversary award // Central European Journal of International and Security Studies. 2021. N 15 (4). P. 4–30. DOI:10.51870/CEJISS.A150401.
16. Johnson B. T. Sensing the Arctic: Situational awareness and the future of northern security // International Journal. 2021. N 76 (3). P. 404–426. DOI: 10.1177/00207020211048424.
17. Lavengood Z. The evolving arctic in the world-system // Journal of World-Systems Research. 2021. N 27 (2). P. 468–493. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr>. 2021.1042.

18. *Morgunova M.* The role of the socio-technical regime in the sustainable energy transition: A case of the Eurasian Arctic // *Extractive Industries and Society*. 2021. N 8 (3). DOI: 10.1016/j.exis.2021.100939.
19. *Ramage J., Jungsberg L., Wang S., Westermann S. et al.* Population living on permafrost in the Arctic // *Population and Environment*. 2021. N 43 (1). P. 22–38. DOI: 10.1007/s11111-020-00370-6.
20. *Raspotnik A., Østhagen A.* What about the Arctic? The European Union's Geopolitical Quest for Northern Space // *Geopolitics*. 2021. N 26 (4). P. 1150–1174. DOI: 10.1080/14650045.2019.1670643.
21. *Samarina V. P., Skufina T. P., Savon D. Yu., Shinkevich A. I.* Management of externalities in the context of sustainable development of the Russian Arctic zone // *Sustainability (Switzerland)*. 2021. N 13 (14). DOI: 10.3390/su13147749.
22. *Vääänen V., Zimmerbauer K.* Territory — network interplay in the co-constitution of the Arctic and 'to-be' Arctic states // *Territory, Politics, Governance*. 2021. N 8 (3). P. 372–389. DOI: 10.1080/21622671.2018.1559759.
23. *Wilson R. E.* Analyzing frenemies: An Arctic repertoire of cooperation and rivalry // *Political Geography*. 76 (2020): 102072. DOI: 10.1016/j.polgeo.2019.102072.
24. *Young O. R.* Arctic futures — future arctics? // *Sustainability (Switzerland)*. 2021; 13(16):9420. DOI: 10.3390/su13169420.
25. *Druzhinin A. G.* The Strongholds of Russian Coastal Borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence // *Baltic Region*. 2020. N 12 (3). P. 89–104. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-6.

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, директор центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; geokefeli@mail.ru

Николаенко Анастасия Валентиновна, заместитель начальника Управления научной работы, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; nikolaenko-av@ranepa.ru

References

1. Baklanov P. Ya. Geopolitical Factors in Regional Development // *Customs policy of Russia in the Far East [Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke]*. 2020. N 4 (93). P. 75–83. (In Rus)
2. Vinokurov G. N., Konyakhin B. A. China's Geopolitical Status as a Factor in Russia's United States Nuclear Deterrence Policy // *Strategic Stability [Strategicheskaya stabil'nost']*. 2008. N 2. P. 199–202. (In Rus)
3. Dodin D. A. Sustainable Development of the Arctic (Problems and Prospects). SPb. : Science, 2005. P. 283. (In Rus)
4. Kefeli I. F., Kuznetsov D. I. *Eurasian Vector of Global Geopolitics*. M. : Publishing house URight, 2018. (In Rus)
5. Korneev O. Y. Why Does Russia Need the Paleozoic Arctida? Expedition «Arctics-2012». SPb. : Nestor-History, 2018. (In Rus)
6. Kuchinskaya M. E. The Arctic in the Focus of Attention of the USA and NATO and Russia's Security Interests // *Problems of National Strategy [Problemy natsional'noi strategii]*. 2020. N 1 (58). P. 68–89. (In Rus)
7. Lukin A. B., Yakunin B. I. Eurasian integration and development of Asian Russia // *Ways and belts of Eurasia. National and international development projects in the Eurasian space and prospects for their conjugation* / ed. A. B. Lukin, B. I. Yakunin. M. : Publishing house «The Whole World», 2019. (In Rus)
8. Lukin Y. F. *Multidimensional of the Arctic Space*. Arkhangelsk, 2017. (In Rus)
9. Osipov G. V., Sadovnichiy V. A., Yakunin B. I. Integral Eurasian infrastructure system as a priority of the national development of the country. M. : ICPR RAN, 2013. (In Rus)
10. *Russia Arctics: modern paradigm* / ed. A. I. Tatarkin. SPb. : Nestor-History, 2014. (In Rus)
11. Cline R. S. *World Power Assessment. A Calculus of Strategic Drift*. Washington, 1975.
12. *Interim National Security Strategic Guidance*. The White House, Washington, march, 2021.

13. Diener A. C., Grant A., Bennett M. M. Northeast Asia in regional perspective // *Asian Geographer*. 2021. Vol. 38. N. 2. P. 95–118. DOI: 10.1080/10225706.2021.1952778.
14. Steinveg B. The role of conferences within Arctic governance // *Polar Geography*. 2021. Vol. 44. N 1. P. 37–54. DOI: 10.1080/1088937X.2020.1798540.
15. Gricius G. Conceptualising the arctic as a zone of conflict: The winner of the 15th anniversary award // *Central European Journal of International and Security Studies*. 2021. N 15 (4). P. 4–30. DOI:10.51870/CEJISS.A150401.
16. Johnson B. T. Sensing the Arctic: Situational awareness and the future of northern security // *International Journal*. 2021. N 76 (3). P. 404–426. DOI: 10.1177/00207020211048424.
17. Lavengood Z. The evolving arctic in the world-system // *Journal of World-Systems Research*. 2021. N 27 (2). P. 468–493. DOI: <https://doi.org/10.5195/jwsr>. 2021.1042.
18. Morgunova M. The role of the socio-technical regime in the sustainable energy transition: A case of the Eurasian Arctic // *Extractive Industries and Society*. 2021. N 8 (3). DOI: 10.1016/j.exis.2021.100939.
19. Ramage J., Jungsberg L., Wang S., Westermann S. et al. Population living on permafrost in the Arctic // *Population and Environment*. 2021. N 43 (1). P. 22–38. DOI: 10.1007/s11111-020-00370-6.
20. Raspotnik A., Østhagen A. What about the Arctic? The European Union's Geopolitical Quest for Northern Space // *Geopolitics*. 2021. N 26 (4). P. 1150–1174. DOI: 10.1080/14650045.2019.1670643.
21. Samarina V. P., Skufina T. P., Savon D. Yu., Shinkevich A. I. Management of externalities in the context of sustainable development of the russian arctic zone // *Sustainability (Switzerland)*. 2021. N 13 (14). DOI: 10.3390/su13147749.
22. Väättänen V., Zimmerbauer K. Territory — network interplay in the co-constitution of the Arctic and 'to-be' Arctic states // *Territory, Politics, Governance*. 2021. N 8 (3). P. 372–389. DOI: 10.1080/21622671.2018.1559759.
23. Wilson R. E. Analyzing frenemies: An Arctic repertoire of cooperation and rivalry // *Political Geography*. 76 (2020): 102072. DOI: 10.1016/j.polgeo.2019.102072.
24. Young O. R. Arctic futures — future arctics? // *Sustainability (Switzerland)*. 2021; 13(16):9420. DOI: 10.3390/su13169420.
25. Druzhinin A. G. The Strongholds of Russian Coastal Borderlands: economic dynamics amid geopolitical turbulence // *Baltic Region*. 2020. N 12 (3). P. 89–104. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-3-6.

About the authors:

Igor F. Kefeli, Director of the Geopolitical Expertise Center of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; geokefeli@mail.ru

Anastasia V. Nikolaenko, Associate Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; nikolaenko-av@ranepa.ru